

ЯРОСЛАВ СЕВЕРЦЕВ

ЧУЖОЕ НЕБО
ТОМ 5
ПРОТОКОЛ «ЖНЕЦ»

18+

Ярослав Северцев

Чужое небо Том 5 протокол Жнец

«Автор»

2026

Северцев Я.

Чужое небо Том 5 протокол Жнец / Я. Северцев — «Автор»,
2026

Октябрь 1941 года. Подмосковье сковано первыми жестокими морозами, а к столице Советского Союза рвутся стальные клинья вермахта. Но на тридцать четвертом километре Волоколамского шоссе, на стыке с легендарной дивизией Панфилова, враг натывается на непреодолимую стену — Отдельный особый штурмовой батальон РГК. Им командует майор Алексей Волков. Для подчиненных он — волевой командир, способный просчитывать ходы противника наперед. Для испуганных немецких генералов — «Демон из окопов», восставший из мертвых под Вязьмой. И никто не знает, что в теле израненного советского офицера живет Максим Ким — кадровый тактик погибшего космического флота Империи Аргос.

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

Ярослав Северцев

Чужое небо Том 5 протокол Жнец

Обращение автора

Уважаемые читатели!

Автор считает важным подчеркнуть, что фантастический цикл «Чужое небо» является художественным вымыслом, написанным в жанре альтернативной истории и боевой фантастики. Все персонажи, включая главного героя майора Алексея Волкова (офицера Максима Кима), фантастические технологии (боевой интерфейс ИБИ, нанороботы, Империя Аргос) и сюжетные линии их интеграции в ткань Великой Отечественной войны — вымышлены.

Автор не преследует цель фальсифицировать или переписать реальные исторические события, а также не пытается принизить, оспорить или переоценить бессмертный подвиг советского народа. Введение фантастического элемента — это лишь литературный прием, позволяющий взглянуть на суровые события осени и зимы 1941 года под другим ракурсом и подчеркнуть, что даже обладая технологиями далекого будущего, победу над врагом можно было одержать только за счет негибаемого человеческого мужества, стойкости, самопожертвования и любви к своей Родине.

Реальная история Великой Отечественной войны написана кровью наших предков, и её истинные герои — солдаты, офицеры, ополченцы и труженики тыла — навсегда останутся в нашей памяти. Данная книга создана исключительно ради читателей и является данью уважения к мужеству людей той эпохи, перенесших нечеловеческие испытания.

С Уважением Ярослав Северцев

Глава 1. Прорыв к Наре

Октябрьская грязь была безжалостной. Она не просто налипала на подошвы тяжелых кирзовых сапог, она словно тянула человека вниз, к самой сырой, промерзшей земле, пытаясь забрать остатки сил. Алексей Волков шел в голове колонны, механически переставляя чужие, налитые свинцовой тяжестью ноги. Тело, за три месяца ставшее привычным, сейчас бунтовало против каждого движения. Нанороботы, активированные скрытым протоколом «Феникс», завершили свою экстренную работу по латанию разорванных тканей и сосудов, но они не могли вернуть сожженные запасы гликогена и излечить ту глубокую, выматывающую ментальную усталость, что черным узлом завязалась в груди.

ИБИ тихо, почти виновато, подал сигнал в височную кость. Внутренняя сетчатка глаза привычно подсветила тусклые, дрожащие цифры:

— Энергетический баланс организма: двенадцать процентов. Внимание: обнаружен критический сбой правого оптического датчика интерфейса из-за электромагнитного всплеска при детонации. Требуется калибровка. Рекомендуется покой.

«Замолчи», — мысленно отозвался Алексей, даже не пытаясь спорить с искусственным интеллектом. Говорить вслух не было сил, да и незачем. Каждое слово сейчас — это лишний вдох холодного, пропитанного влагой и запахом прелой хвои воздуха.

Сзади раздался глухой хрип, а затем тяжелый шлепок — кто-то из бойцов оступился на размокшем склоне оврага. Волков остановился и обернулся.

Старшина Громов, чье лицо под грязной повязкой казалось серой каменной маской, уже подхватывал падающего парня под руку. Парень — один из тех рязанских призывников, что выжили в каменном аду Вязьмы, — тяжело дышал, разевая рот, как вытасненная на берег рыба. Винтовка Мосина со снятым затвором волочилась по грязи. Из сорока семи человек, вышедших из оврага три дня назад, до этого глухого лесного массива добрались тридцать восемь.

Остальные остались лежать вдоль просек, присыпанные мокрыми листьями, без могил, без прощальных слов.

Алексей почувствовал, как к горлу подступает знакомый, горький комок. Это была не физическая тошнота. Это была вина. Острая, разъедающая, несвойственная кадровому офицеру Империи Аргос. Максим Ким, когда-то командовавший орбитальными доками и разбиравший крейсера хоросов на куски, умел считать потери в процентах. Там, в холодном вакууме, гибель экипажа была строкой в тактическом отчете, сухой цифрой на голографическом экране.

Здесь всё изменилось. Эта земля, пахнувшая сыростью и кровью, эти люди, исхудавшие, с воспаленными от бессонницы глазами, — они стали его частью. Он помнил, как хрустели кости Петренко, когда тот остался прикрывать пролом в подвале вяземской школы. Он видел, как угасал рыжий Смирнов, до последнего патрона державший заклинивший пулемет. Волков не смог их спасти. Его хваленый интерфейс, его импланты будущего оказались бессильны против лавины немецкого железа. Он не был богом. Он был просто человеком в чужом, израненном теле, который полюбил эту страну — огромную, истекающую кровью, но не коленопреклоненную. Полюбил так, что теперь готов был рвать глотки фашистам зубами, лишь бы этот серый октябрьский рассвет не стал для его бойцов последним.

— Старшина, — негромко позвал Алексей. Голос прозвучал хрипло, сорвано. — Сколько до просеки?

Громов поднял голову, вытирая рукавом грязный пот со лба.

— С полкилометра, товарищ майор. Дальше — старая узкоколейка. Торфяники там заброшенные. Если немцы перекресток не заняли, проскочим к реке. К Наре. Там наши должны быть. Обязаны.

— Должны, — повторил Волков.

ИБИ снова пискнул, выводя на левую, уцелевшую часть сетчатки схему местности. Впереди, в двухстах метрах, тепловые контуры леса сменялись ровной полосой. Но там, на этой полосе, датчики зафиксировали движение.

— Внимание, — бесстрастно доложил ИБИ. — Три источника высокой тепловой активности. Характер сигнатур: двигатели внутреннего сгорания. Вероятность: легкая бронетехника или мотоциклы. Дистанция — двести пятьдесят метров. Курс пересекающийся.

Алексей мгновенно поднял руку, сжав кулак. Колонна за его спиной замерла, словно растворившись в сером подлеске. Ветераны отряда легли в грязь сразу, увлекая за собой новобранцев. Логинов, сапер с перевязанной и наглухо забинтованной ногой, тяжело опустился на колено, опираясь на самодельный костыль из березового сука. Его зубы были сжаты от боли, но автомат ППШ он держал ровно, стволом в сторону просеки.

Волков прополз вперед, раздвигая руками мокрые ветки лещины. Земля под животом была ледяной, но он не чувствовал холода. Перед глазами, сквозь пелену наползающего с торфяников тумана, открылась насыпь.

По разбитой тракторной колее, идущей параллельно узкоколейке, медленно двигался немецкий дозор. Впереди — тяжелый мотоцикл «БМВ» с коляской, на которой был установлен пулемет MG-34. За ним, надрывно ревя мотором на низких оборотах, полз легкий бронетранспортер Sd.Kfz.250 с открытым верхом. На броне сидели солдаты в серых плащах-палатках, каски покрыты грязью. Замыкал тройку еще один мотоцикл. Они шли осторожно, прочесывая стволами пулеметов опушку леса. На бортах бронетранспортера красовался тактический знак — белая буква «К», перекрещенная молнией. 10-я танковая дивизия вермахта. Передовые отряды генерала Шаала.

«Обошли, твари», — подумал Алексей, и внутри него, где-то в самом солнечном сплетении, поднялась глухая, яростная волна. Они топтали эту землю так, словно уже победили. Они ехали по русскому лесу, как по собственному полигону в Тюрингии.

— Командир, — шепнул подползший сбоку Громов. — Не пройдем. Заметят. Насыпь голая, а туман редкий. Если бронетранспортер ударит из пулемета — положит всех на открытом месте. У нас раненые, мы бежать не сможем.

Алексей посмотрел на Громова, потом на Логинова. В глазах сапера читал не страх — немую просьбу. Логинов понимал, что со своей сломанной ногой он обуза, что если начнется отход, его придется оставить.

— Оставлять никого не будем, — отрезал Волков. — Логинов, сколько у тебя гранат?

— Две «лимонки», товарищ майор. И одна РГД-33. Но запалы сырые, бог ведает, работают ли.

— Сработают. Громов, бери трех парней с автоматами. Обойдете насыпь слева, там, где выемка старого карьера. Ждать моего выстрела. Бьете по пехоте в кузове. Пулемет на мотоцикле я беру на себя.

— Товарищ майор, у вас же оружия... — Громов осекся, глядя на винтовку Волкова.

У Алексея была обычная пятизарядная трехлинейка, подобранная на поле боя под Вязьмой. Никаких плазменных резачков, никаких силовых щитов. Только пять патронов калибра 7,62 в магазине и холодная сталь штыка.

— Выполнять, старшина. Времени нет. Они сейчас к повороту выйдут.

Громов коротко кивнул и, махнув рукой двум бойцам, бесшумно скользнул назад, в глубь оврага.

Алексей остался один на опушке. Он медленно передернул затвор винтовки. Патрон с тихим щелчком вошел в патронник. ИБИ попытался выстроить баллистическую траекторию, но поврежденный правый датчик выдавал искажение — прицельная марка дергалась, уходя в сторону.

— Отключить баллистический вычислитель, — мысленно приказал ГГ.

— Отключение... Перевод в ручной режим управления. Командир, физические параметры мышечной структуры левого плеча нестабильны. Возможен тремор.

«Справлюсь», — Волков прижал приклад к плечу. Сердце, измученное протоколом «Жнец», глухо и тяжело стучало в ребра. Ему было страшно. Не за себя — за тех тридцати восьми человек, что сидели сейчас в овраге, доверяя ему свои жизни. Если он промахнется, немецкий пулеметчик срежет его первым же прикурором, а затем броневики развернут ствол.

Головной мотоцикл поравнялся с кустом ракиты. Дистанция — сорок метров. Пулеметчик в коляске, молодой парень со шрамом на подбородке, лениво поправил каску. Водитель прибавил газу, преодолевая глубокую лужу.

Алексей выдохнул, поймал в прорезь прицела грудь пулеметчика и нажал на спуск.

Сухой, хлесткий выстрел разорвал лесную тишину. Немца в коляске словно дернуло невидимой силой назад — он выронил рукоятки пулемета и завалился набок, заливая серую краску брони темной, густой кровью.

— Есть! — выдохнул Логинов позади.

В ту же секунду слева, из выемки карьера, ударил автомат Громова. Длинная, злая очередь прошла по борту бронетранспортера. Несколько солдат в кузове покатались по полу, остальные в панике начали вскидывать карабины.

Немецкий броневики резко затормозил, гусеницы закрипели по мокрой торфяной крошке. Водитель попытался развернуть тяжелую машину, чтобы уйти из-под обстрела, но тракторная колея была слишком узкой.

Волков передернул затвор. Стреляная гильза с тихим звоном вылетела в грязь. Следующая цель — водитель бронетранспортера. Окно смотровой щели было приоткрыто. Алексей поймал взглядом узкую полоску лица в глубине стальной кабины.

Выстрел. Нога ГГ дрогнула, прицел ушел выше. Пуля с визгом отколошила от лобовой брони Sd.Kfz.250.

— Промах, — констатировал ИБИ. — Изменение траектории цели.

Из кузова броневика ударил ответный огонь. Немецкий унтер-офицер, перегнувшись через борт, полоснул из МР-40 по кустам, где лежал Волков. Пули с треском срезали ветки над самой головой Алексея, обсыпая его лицо мокрой хвоей и землей. Одна из пуль чиркнула по плечу, разрывая сукно гимнастерки и обжигая кожу. Алексей даже не поморщился — эта боль была ничем по сравнению с той, что жгла его изнутри.

— Ах ты гадина! — Волков перекатился в сторону, уходя с линии огня, и снова вскинул винтовку. Пальцы, испачканные в липкой грязи, работали автоматически.

Он целился теперь в унтера. Немец как раз менял магазин, его лицо было искажено яростью и страхом. Они тоже боялись. Эти «сверхлюди», прошедшие маршем по Европе, здесь, в подмосковных лесах, гибли так же легко, как и простые советские парни.

Выстрел. Унтер-офицер выронил автомат и медленно, словно нехотя, перевалился через борт броневика, падая прямо под колеса собственной машины.

Замыкающий мотоцикл попытался развернуться на насыпи, но водитель не справился с управлением на скользком склоне. Мотоцикл завалился набок, придавив ногу пулеметчику. Бойцы Громова, выскочив из выемки, добили их короткими очередями в упор.

Бой длился от силы три минуты, но для Волкова они растянулись в вечность. Когда последний немецкий солдат в кузове броневика затих, над насыпью снова повисла рваная, тяжелая тишина. Мотор Sd.Kfz.250 продолжал надрывно работать, выпуская из выхлопной трубы сизый, вонючий дым.

Алексей поднялся во весь рост. Его трясло. Нанороботы в крови пытались справиться с царапиной на плече, но энергии не хватало, и рана продолжала сочиться кровью, пропитывая х/б ткань.

Громов вышел из тумана, держа автомат наперевес. Его лицо было бледным, но в глазах горел тот самый недобрый, упрямый огонек, который Волков научился ценить больше всего.

— Все, товарищ майор. Чисто. У нас один раненый — парню из новобранцев осколком брони щеку рассекло. Живой.

Алексей подошел к бронетранспортеру, тяжело опираясь рукой о горячий капот. Внутри кузова лежали семеро немцев. На дне скопилась лужа крови, в которой плавали стреляные гильзы и обрывки немецких газет.

— Трофеи брать быстро, — скомандовал Волков. — Автоматы, патроны, сухари. Броневик сможешь завести, Громов?

— Малахов бы смог, — помрачнел старшина. Механик «Кулака» погиб еще под Ярцевом, и это имя до сих пор отзывалось болью в сердцах ветеранов. — Но я попробую. Горючее вроде есть. На нем раненых и повезем.

Логинов подобрался к мотоциклу, осматривая коляску.

— Товарищ майор, пулемет целый. И лент три штуки. Пригодится. Нам бы только до реки добраться.

Волков посмотрел на восток, туда, где за пеленой тумана угадывалась долина реки Нары. Там шла линия обороны. Там решалась судьба Москвы. Он чувствовал, как силы покидают его, как имплант внутри височной кости начинает переходить в аварийный режим, но отступить было некуда. За его спиной стояла Великая страна, ставшая для него родной. Страна, ради которой он, Максим Ким, ныне майор Алексей Волков, готов был пройти через любой ад.

— Шевелись, бойцы, — тихо, но отчетливо сказал он. — Немцы скоро хватятся дозора. Нам нужно уходить. Впереди Москва.

Колонна, ведомая трофейным броневиком, медленно двинулась через насыпь, растворяясь в густеющем подмосковном тумане.

Глава 2. Чужая земля, свои люди

Двигатель немецкого броневика глухо натужно выл, преодолевая очередную размытую колею. Гусеницы Sd.Kfz.250 буксовали в жирной подмосковной глине, швыряя комья грязи далеко назад, в серый предрассветный туман. Громов сидел за рулем, вцепившись в стальной обод побелевшими пальцами. Настоящих навыков вождения этой полугусеничной немецкой машины у старшины не было, и он вел её исключительно на упрямстве, интуитивно переключая тяжелые рычаги коробки передач.

В открытом кузове, тесно прижавшись друг к другу, сидели раненые. Логинов положил свою забинтованную ногу на трофейный ящик из-под патронов. Его лицо, осунувшееся и покрытое слоем копоти, выражало лишь глухое ожесточение. Рядом Маруся, придерживая рукой сползающую санитарную сумку, проверяла повязку на щеке молодого призванного, раненного в недавней стычке на насыпи. Сукно её шинели насквозь пропиталось лесной влагой, а пальцы посинели от холода, но двигалась она методично, без суеты.

Алексей Волков шел пешком, чуть в стороне от колеи, придерживая рукой винтовку Мосина. Нанороботы внутри его кровеносной системы за ночь сумели остановить кровотечение из царапины на плече, но на большее их ресурсов просто не хватило. В теле жила глубокая, выламывающая суставы слабость. Из-за сбоя правого датчика ИБИ левая часть его лица слегка онемела, а тактическая сетка перед глазами то и дело подергивалась мелкой рябью, выдавая ложные маркеры угроз в пустых кустах лещины.

— Дистанция до опушки леса: четыреста метров, — отозвался в черепной коробке тихий, прерывистый голос интерфейса. — Фиксируются множественные колебания почвы. Источники: артиллерийские выстрелы крупного калибра. Направление: северо-восток.

«Знаю», — подумал Алексей. Канонаду он слышал и без датчиков будущего. Земля под ногами мелко, едва заметно дрожала, а с востока, из-за пелены тумана, доносился тяжелый, раскатистый гул. Это не были скоротечные траншейные стычки Вяземского котла. Там, впереди, работали тяжелые батареи. Там дышал фронт.

Волков поднял руку, давая сигнал Громову остановить бронетранспортер. Машина замерла, выплюнув облако сизого выхлопа. Пешие бойцы отряда — тридцать с небольшим человек — мгновенно рассредоточились по кюветам, ложась в мокрую бруснику. За три месяца боев эти люди научились исчезать среди леса за секунды. Они больше не были испуганными призванными, которые держали оружие как чуждую, опасную вещь. Война обтесала их, превратив в жесткий, злой монолит.

— Громов, глуши мотор, — негромко приказал Алексей, подходя к борту. — Дальше пешком. Туман редет, на открытом поле нас из любого противотанкового ружья сожгут, не разбираясь, кто внутри.

Старшина повернул ключ зажигания, и над лесом воцарилась звенящая, сырая тишина, нарушаемая лишь далеким гулом артиллерии. Раненые начали осторожно выбираться из кузова. Те, кто мог ходить сам, подхватывали тяжелых под мышки.

Они вышли к опушке через десять минут. Перед ними открылось широкое, изрытое старыми мелиоративными канавами поле, уходящее к пологому холму. На вершине холма, едва заметные в утренней дымке, чернели свежие брустверы окопов, змеились линии ходов сообщения, а над бревнами наката одного из ДЗОТов тонкой струйкой поднимался дымок — там топилась буржуйка. Можайская линия обороны. Передовой укрепрайон, который должен был встать на пути немецких танковых клиньев к столице.

— Наши, — тихо, со всхлипом произнес бледный рязанский паренек, стоявший за спиной Волкова. На его ресницах застыли капли тумана. — Товарищ майор, это ж наши... Дошли.

— Рано радоваться, — хмуро отозвался Громов, проверяя затвор своего ППШ. — Мы для них сейчас — черт знает кто. Из лесу выходит банда, в грязной форме, обвешанная немецким оружием. Охранение стрелять начнет раньше, чем мы устав назовем.

Алексей посмотрел на свои руки. На рукавах гимнастерки — бурые пятна чужой крови. За поясом — трофейный немецкий парабеллум, в карманах — магазины к МР-40, которые они забрали у бранденбуржцев. Документов, кроме старого, залитого грязью удостоверения лейтенанта Волкова и сложенного вчетверо плотного листа за подписью Серебрякова, у него не было. Для любого бдительного лейтенанта из укрепрайона они выглядели как классическая диверсионная группа противника.

— Всем оставаться на опушке, — скомандовал Волков. — Громов, за главного. Оружие не поднимать, к бою не готовить. Если начнется стрельба — отходить в глубь леса. Я пойду один.

— Товарищ майор, нельзя одному, — подала голос Маруся, шагнув вперед. Её серые глаза смотрели упрямо. — Посмотрите на себя. Вы ж на ногах едва стоите, лицо белое. Пойду с вами. Санитарную сумку они издали увидят. Красный крест — он и в тумане красный.

Алексей хотел приказать ей вернуться, но ИБИ выдал очередную тактическую подсказку:

— Вероятность открытия огня по одиночной мужской фигуре в неопознанной форме: семьдесят четыре процента. Вероятность открытия огня по паре, включающей медицинский персонал: тридцать два процента. Рекомендация: принять предложение.

— Хорошо, — Волков едва заметно кивнул. — Идем. Оружие за спину. Повесь мосинку на ремень, Маруся.

Они вышли из-за деревьев и медленно пошли по мокрой траве поля. Туман расступался перед ними, неохотно открывая две одинокие фигуры. Алексей шел прямо, стараясь держать спину, хотя каждый шаг отзывался тупой болью в области седьмого ребра. Рядом шла Маруся, её тяжелые сапоги мерно шлепали по грязи.

До окопов оставалось около двухсот метров, когда на бруствере передовой траншеи показались каски. Сверкнуло стекло бинокля. Затем раздался резкий, многократно усиленный эхом лесного массива окрик:

— Стой! Стрелять буду! Руки вверх, назад к лесу!

Волков остановился. Он поднял левую руку, правая осталась на ремне винтовки.

— Свои! — крикнул он, вкладывая в голос остатки сил. — Из окружения выходим! Майор Волков, отдельный штурмовой батальон Вяземского направления! Со мной раненые!

На бруствере произошло шевеление. Алексей сквозь пелену поврежденного зрения увидел, как ствол пулемета «Максим» в амбразуре ДЗОТа медленно повернулся в их сторону. Из окопа выскочили трое бойцов в чистых шинелях с карабинами наперевес. Возглавлял их молодой лейтенант в портупее, лицо которого было бледным от напряжения.

— На месте стоять! — крикнул лейтенант, приближаясь на дистанцию тридцати шагов. — Оружие на землю! Оба!

Маруся медленно сняла винтовку с плеча и положила её в мокрую бруснику. Волков сделал то же самое со своей трехлинейкой.

Лейтенант подошел ближе, его карабин был направлен прямо в грудь Алексею. Глаза младшего командира метались по фигуре Волкова — от грязных майорских петлиц до трофейного немецкого ремня с бляхой, с которой бойцы Громова наспех содрали орла.

— Какие окруженцы? Из-под Вязьмы три дня как никто не выходил, там все перекрыто, — жестко произнес лейтенант. — Почему форма в мазуте? Откуда немецкие ремни?

— В бою добыли, лейтенант, — спокойно, без злобы ответил Алексей. Голос его звучал ровно, как на тактическом разборе. — Три часа назад на торфяниках немецкий дозор расколо-тили. У меня в лесу тридцать восемь человек, половина — тяжелые, обмороженные и раненые. Им помощь нужна. Вызывай начальника заставы или представителя особого отдела.

— Особиста ему... — пробормотал один из бойцов за спиной лейтенанта, не спуская глаз с Маруси. — Гляди, лейтенант, у неё сумка наша, медицинская. И девка вроде русская.

— Молчать, Сидоров! — оборвал его командир. — Документы есть, майор? К какому полку приписаны были?

Волков медленно, двумя пальцами, залез в боковой карман гимнастерки и достал сложенный лист бумаги. Бумага была потертой на сгибах, со следами засохшей крови, но фиолетовая печать штаба Серебрякова читалась отчетливо. Лейтенант взял лист левой рукой, не опуская карабина. Пробежал глазами. Его брови поползли вверх.

— Особый штурмовой отряд... Командир — майор Волков... — он посмотрел на ГГ с явным недоверием. — В сводках проходило, что ваш отряд под Вязьмой полностью погиб. Нас предупреждали о возможных немецких группах, которые используют документы погибших частей.

— Как видишь, не полностью, — Алексей сделал полшага вперед. Лейтенант качнул стволом, но Волков даже не шелохнулся. — Если бы мы были диверсантами, лейтенант, мы бы перли через открытое поле с ранеными на руках. Мы бы обошли твой укрепрайон по болоту за полчаса. Мой сапер Логинов этот лес как свои пять пальцев знает. Вызывай штаб. Хватит людей на морозе держать.

Лейтенант Кравцов (так было написано на маленькой бирке его портупеи) колебался еще несколько секунд. Затем обернулся к траншее:

— Семенов! Бегом в штаб батальона. Доложи капитану Миронову: вышла группа из-за линии фронта. Старший — майор Волков. Пусть особиста присылают. И санитарные телеги к опушке.

Повернувшись к Волкову, Кравцов уже мягче добавил:

— Оружие пока пусть в лесу остается, товарищ майор. Сами понимаете, приказ. Пройдете в землянку боевого охранения. Бойцов ваших на опушке мои люди прикроют, если что.

— Понимаю, лейтенант, — Алексей чуть расслабил плечи. — Все правильно делаешь. Застава у тебя чистая, окопы профилированы верно. Молодец.

Через полчаса отряд Волкова был размещен в полуразрушенном деревянном ангаре бывшего совхоза «Красный луч», расположенного сразу за первой линией траншей. Раненых уложили на солому, местный батальонный фельдшер вместе с Марусей принялся за обработку ран. Бойцам выдали по куску ржаного хлеба и горячий пшеничный концентрат из походной кухни. Люди ели молча, торопливо, словно боясь, что эту мирную, теплую еду сейчас отберут.

Алексей сидел на перевернутом деревянном ящике у входа в ангар. Горячий чай в алюминиевой кружке обжигал пальцы, но он не пил — просто грел руки.

— Командир, — негромко раздался в голове голос ИБИ. — Фиксирую приближение двух объектов. Один из них имеет высокий уровень стресса и повышенный пульс. Второй — движется размеренно. Вероятность: проверка со стороны органов государственной безопасности.

Волков поднял глаза. К ангару по раскисшей тропинке шли двое. Один — капитан укрепрайона в полевой форме. Второй — в синей фуражке с красным околышем и длинном суконном реглане.

Алексей внутренне подобрался. Сердце пропустило удар, а затем забило ровнее. Из тумана, хлопывая кожаной планшеткой по бедру, выходил капитан госбезопасности Журавлев. Тот самый особист Западного фронта, который допрашивал Волкова в тыловом поселке еще до Вязьмы. Тот, кто официально списал его в безвозвратные потери.

Журавлев остановился у входа в ангар, оглядел сидящих на соломе изможденных бойцов, задержал взгляд на хромом Логинове, который как раз чистил заклинивший затвор автомата. Затем перевел взгляд на Волкова. В глазах особиста не было удивления. Там читалась тяжелая, холодная настороженность человека, который столкнулся с загадкой, нарушающей все инструкции.

— Здравия желаю, товарищ майор, — тихо, почти ласково произнес Журавлев, снимая перчатку и протягивая руку. — А мне ведь третьего дня доложили, что вы похоронены на

холме к западу от Вязьмы. Лично немецкий капитан фон Штальберг приказал крест поставить. А вы, выходит, опять из могилы встали?

Алексей поднялся, пожал жесткую, холодную руку особиста и посмотрел ему прямо в глаза:

— Пришлось задержаться, капитан. Нам еще Москву защищать. На том свете для этого слишком мало патронов.

Журавлев не улыбнулся. Он повернулся к сопровождавшему его капитану:

— Оставьте нас, товарищ Миронов. Посторожите у входа. У нас с майором старые счеты по Вяземскому направлению. Поговорить нужно. Без свидетелей.

Глава 3. Директива № 03

Штабная землянка батальона укрепрайона пахла сырой глиной, подгоревшим машинным маслом от керосинки и едким до слез дымом махорки-крупки. Потолочные бревна, подпертые тяжелыми сосновыми рогатинами, мелко вибрировали в такт далеким ударам тяжелой артиллерии. Капитан госбезопасности Журавлев сидел за дощатым столом, не снимая своего длинного суконного реглана. Синяя фуражка лежала на краю стола, аккуратно прикрывая угол потертой кожаной планшетки.

Алексей Волков сидел напротив, на колченогой табуретке. Лихорадочный озноб после деактивации протокола «Феникс» наконец отступил, сменившись тупой ломотой во всех суставах чужого, но ставшего уже родным тела лейтенанта Волкова.

— Ты ведь понимаешь, Алексей Тимофеевич, что по всем документам Главного управления формирования и укомплектования РККА твоего отряда больше нет? — Журавлев говорил тихо, почти ласково, но взгляд его серых, глубоко посаженных глаз оставался холодным и цепким. — Три дня назад из-под Вязьмы прорвались остатки сотой дивизии. Доложили: штурмовой батальон майора Волкова полностью погиб в районе городской аптеки и школы. Сгорел. Сами немцы по радио передали сводку о ликвидации «Черного майора». И вдруг ты выходишь из лесу. Чистый, без единого документа, если не считать этой окровавленной бумажки от Серебрякова. Что я должен думать?

Алексей медленно поднял левую руку, потирая онемевший от сбоя ИБИ висок. На внутренней сетчатке глаза тускло мигал красный маркер: «Внимание: правый оптический датчик отключен. Заряд наноструктур — 4%. Риск необратимой деградации синаптических связей интерфейса».

— Думай что хочешь, капитан, — хрипло ответил Волков, глядя особисту прямо в зрачки. — Немцы стреляют хорошо. Бомбили так, что кирпич в пыль крошился. Меня заваляло в подвале школы, когда Петренко людей через канализацию выводил. Трое суток без сознания лежал. Бойцы мои думали — мертв. А я выполз. Догнал остатки отряда в лесу. Нас сорок семь человек из Вязьмы вышло, Журавлев. Сорок семь живых свидетелей того, что мы не побежали. Мы фон Боку четыре дня зубы ломали, пока армия из котла выходила. Ты моих парней в ангаре видел? Они сухари сырые грызут и плачут, потому что до Москвы дошли. А ты мне про документы толкуешь.

Журавлев молча достал из деревянного портсигара папиросу «Богатыри», размял её тонкими, чистыми пальцами, но поджигать не стал. Медленно покатал по столу.

— Я видел твоих людей, Волков, — тише сказал капитан. — И Логинова твоего хромого видел, и старшину Громова. Они за тебя под трибунал пойдут, если прикажешь. Это я понимаю. Не понимаю я другого. За два дня до немецкого штурма ты полковнику Одинцову в лицо сказал, что Вязьму обойдут с севера и юга. Сказал, что кольцо замкнется под Сычевкой. Откуда у штрафника из тайги такие оперативные данные, майор? Немцы свои планы в строжайшей тайне держали, даже в штабе фронта до последнего момента прорыва не ждали. А ты — знал.

— У меня чутье на тактические охваты, капитан, — Алексей криво усмехнулся, хотя внутри все сжалось от яростного напряжения. — Если противник имеет преимущество в тан-

ках и авиации, он никогда не станет биться лбом о каменные стены города. Он пойдет по линиям наименьшего сопротивления, чтобы запереть нас в огневой мешок. Это в любой полковой школе проходят.

— В полковой школе проходят уставы, Волков. А ты воюешь так, словно эти уставы сам писал. Для другой, более страшной войны, — Журавлев резко наклонился вперед, и его ухаженные усы дернулись. — Ладно. Разбираться с твоим чутьем теперь не мне. Час назад из Можайска шифрограмма пришла. Приказ генерала армии Жукова. Всем уцелевшим командирам спецподразделений Вяземского рубежа немедленно прибыть в штаб фронта. За тобой полуторка идет. Бойцов твоих пока здесь оставят, на довольствие поставят, не переживай. Но с какими погонами ты из штаба выйдешь — бог ведает.

Дверь землянки со скрипом отворилась, впуская струю мокрого октябрьского воздуха. Вошедший дежурный лейтенант коротко козырнул:

— Товарищ капитан госбезопасности, машина из штаба фронта прибыла. Водитель торопит, говорит, Ленинградское шоссе под обстрелом.

Журавлев поднялся, нахлобучил синюю фуражку и аккуратно застегнул верхнюю пуговицу реглана.

— Ну что, майор. Поехали к Георгию Константиновичу. Надеюсь, твое хваленое чутье не подведет тебя на ковре у командующего.

Дорога до Можайска показалась Алексею сплошным серым кошмаром. Полуторка ЗИС-5 тряслась на разбитых гусеницами проселках, то и дело застревая в глубоких колеях, заполненных жидкой грязью. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулась израненная подмосковная земля. Мимо машины шли бесконечные колонны беженцев: женщины с узлами, старики, везущие на тачках скудный скраб, испуганные дети. В кюветах чернели остовы сгоревших грузовиков и брошенных телег. Дважды водитель резко тормозил и загонял машину под кроны придорожных ветл — в низком свинцовом небе с ревом проносились хищные силуэты «Мессершмиттов-110», выискивая цели на дорогах.

Штаб Западного фронта располагался в приземистом кирпичном здании бывшего районного исполнительного комитета в Можайске. Окна первого этажа были наглухо заложены мешками с песком, во дворе стояли маскировочные сети, а у входа дымила полевая кухня, возле которой сутились ординарцы.

Журавлев провел Волкова через три кордона проверки документов. Бойцы комендантского полка в новеньких касках СШ-40 тщательно сверяли пропуска и хмуро осматривали грязную, пропитанную мазутом и кровью гимнастерку Алексея.

В приемной командующего было не протолкнуться. Офицеры связи в португезах, пропахшие бензином, торопливо передавали дежурным папки с донесениями; на столе беспрерывно трещали аппараты полевых телефонов ТАИ-43.

— Майор Волков, заходите, — адъютант в звании майора распахнул тяжелую дубовую дверь, обитую зеленым сукном.

Алексей вошел, стараясь держать строевой шаг, хотя раненое плечо заныло с новой силой. Капитан Журавлев остался в приемной, аккуратно притворив за собой дверь.

Кабинет был огромным и холодным. Посредине стоял длинный стол, полностью закрытый склеенными листами топографических карт Московской области. Возле окна, заложив руки за спину, стоял невысокий, плотный человек в генеральском мундире без орденов, но с тремя тяжелыми звездами в петлицах. Генерал армии Георгий Константинович Жуков. Его круглое, словно высеченное из гранита лицо выражало крайнюю степень утомления, но взгляд темных глаз был пронзительным и жестким.

Рядом со столом, склонившись над картой с красным карандашом в руке, сидел начальник штаба фронта генерал-лейтенант Соколовский.

— Докладывайте, майор, — Жуков не повернулся, продолжая смотреть в окно на серый можайский туман. Голос его звучал глухо, с тяжелыми, властными интонациями. — Время дорого. Немцы силами Четвертой танковой группы Гёпнера прорвали фронт на стыке с соседями. Волоколамское направление оголено. Что у вас осталось от батальона?

Алексей вытянулся в струну, преодолевая слабость.

— Товарищ генерал армии! Командир Отдельного особого штурмового отряда майор Волков. Из окружения под Вязьмой выведено тридцать восемь боеспособных бойцов и девять тяжелораненых. Материальная часть потеряна при прорыве. Уничтожен немецкий дозор 10-й танковой дивизии, захвачен один исправный бронетранспортер и автоматическое оружие. Люди измождены, но готовы к выполнению боевой задачи.

Жуков медленно повернулся. Он подошел к столу, оперся тяжелыми кулаками о карту и посмотрел прямо на Волкова.

— Я читал рапорт Серебрякова о твоих кумулятивных гранатах под Борисовом, Волков. Хорошая инженерная мысль. Своевременная. Сейчас под Волоколамском танкисты Рейнхардта прут как ошалелые. Железа у них много, а у нас там — одна стрелковая дивизия Панфилова да курсанты училища Верховного Совета. Держать фронт нечем. Каждый человек, который умеет жечь немецкую броню, сейчас на вес золота.

Генерал Соколовский поднял голову от карты:

— Георгий Константинович, по оперативным данным, отряд Волкова официально числился погибшим. Особый отдел высказывает опасения...

— Оставь опасения особистам, Василий Данилович! — резко оборвал его Жуков, рубанув рукой воздух. — Мне Москву защищать нужно, а не анкеты проверять! Если Волков со своими тридцатью бойцами смог под Вязьмой дивизию задержать, значит, он знает, с какого конца за немецкий танк браться.

Командующий фронтом снова перевел взгляд на Алексея:

— Слушай приказ, майор. Подписываю Директиву номер ноль три. Твой отряд разворачивается в Отдельный особый штурмовой батальон РГК. Придаю тебе триста человек пополнения из Мытищинского набора. Завтра утром получишь со склада пятьдесят противотанковых ружей ПТРД и боеприпасы. Направление — Волоколамское шоссе, тридцать четвертый километр обороны. Твоя задача — встать на стыке с панфиловцами. Зарыться в землю. Сделать так, чтобы ни одна немецкая гусеница через твой рубеж не прошла. Если пропустишь врага к Истре — лично под трибунал пушу. Вопросы есть?

В этот момент ИБИ внутри головы Волкова выдал резкую, отчетливую вспышку боли в затылке, а затем на сетчатке левого глаза развернулась сложная схема: «Обнаружен входящий пакет данных. Источник: неизвестный маяк Империи Аргос. Дистанция оценки: недоступна. Статус сигнала: синхронизация».

Алексей качнулся, но удержал равновесие, сжав кулаки до хруста в суставах. Он посмотрел в суровые глаза Жукова. Этот человек перед ним не знал ничего об Аргосе, о нанороботах и космических зондах. Он защищал свою столицу, свою землю. И Волков, ставший частью этой земли, чувствовал, как в нем закипает суровая, глухая гордость.

— Вопросов нет, товарищ генерал армии, — твердо ответил Алексей. — Рубеж удержим. Фашистов в клочья порвем, но назад не отойдем.

Жуков удовлетворенно кивнул и коротко бросил адъютанту:

— Оформить мандат Волкову. Выдать предписание на получение ПТРД. Выполняйте, майор. И да поможет нам бог.

Глава 4. Пополнение из Мытищ

Мытищинский машиностроительный завод пахнул окалиной, сырым толем, дешевым карболловым мылом и тем горьким, сухим дымом, какой оседает на стенах литейных цехов годами. Заводские корпуса, наспех переоборудованные под сборку бронеколпаков и деталей

для легких танков, стояли полутемными — окна были покрашены синей краской, а поверх наклеены крест-накрест полосы серой оберточной бумаги.

Алексей Волков стоял на деревянном помосте посреди сборочного цеха № 3. Из огромных распахнутых ворот тянуло ледяным сквозняком, несущим мелкую октябрьскую изморось. Тело после визита в Можайск ныло непрерывно — нанороботы, израсходовав остатки энергии на латание сосудов, перешли в глубокий анабиоз, и ГГ теперь чувствовал каждую трещину в своих ребрах так, как чувствует её обычный человек. Без прикрас. Без амортизации интерфейса.

Перед помостом стояли триста человек. Его новое пополнение.

Волков медленно осматривал шеренги, и внутри у него все сжималось от глухой, тягучей тоски. Это не были кадровые гвардейцы Империи Аргос, прошедшие через ментальные симуляторы и генетическую закалку. И это не были ветераны-окопники, с которыми он три дня назад прорывался через вяземские торфяники.

Перед ним стояли вчерашние рабочие инструментальных цехов, токари, фрезеровщики, литейщики и совсем мальчишки — студенты-добровольцы первого курса Московского лесотехнического института. На многих еще были домашние пальто, драповые кепки, из-под которых торчали исхудалые шеи, и легкие ботинки, совершенно непригодные для грядущей подмосковной распутицы. Винтовки Мосина образца 1891/30 года, новенькие, в густой пахучей смазке-пушечном сале, они держали неуклюже, словно лопаты на субботнике.

— ИБИ, — мысленно позвал Алексей, придерживая раненое плечо. — Общий анализ группы.

Интерфейс отозвался не сразу, картинка на левом глазу дернулась, выдавая серые полосы помех.

— Средний возраст объектов: девятнадцать целых и четыре десятых года. Уровень физического истощения: умеренный. Средний индекс психологического стресса: восемьдесят два процента. Выявлено четырнадцать объектов со скрытыми признаками панических расстройств. Двадцать два объекта имеют базовые навыки обращения с металлообрабатывающим оборудованием. Лидерские маркеры нестабильны.

«Они же дети, ИБИ, — подумал Алексей, и пальцы его, сжатые в карманах шинели, задрожали. — Простые гражданские дети. Через неделю Гёпнер бросит на них свои тридцать седьмые танковые полки. Их же сомнут. Просто перемалюют гусеницами в этой подмосковной грязи».

Ему стало страшно. Не за себя — за эти триста жизней, которые Жуков своей тяжелой рукой вписал в его мандат. Алексей вспомнил Лиару, её фиолетовые глаза на голографическом экране «Ищейки». Она говорила, что он должен выдержать, что за ним придут. Но она не знала, какова цена этого ожидания здесь, на Земле, в сорок первом.

Волков сделал шаг вперед, к самому краю помоста. Громов и Логинов стояли чуть позади. Старшина хмуро разглядывал строй, а сапер, опершись на свой березовый костыль, тихо поправлял на плече ремень тяжелого ППШ.

— Бойцы! — голос Алексея прорезал гул цеховых трансмиссий, прозвучав хрипло, но жестко. — Я майор Волков. Командир Отдельного особого штурмового батальона Резерва Главного Командования. Мы вышли из-под Вязьмы. Мы дрались там четыре дня, потеряли многих. Но мы не отступили без приказа.

Строй замер. Триста пар глаз уставились на его грязную, заношенную гимнастерку, на темное пятно засохшей крови на плече, на суровые лица Громова и Логинова. Эти люди на помосте видели перед собой живых призраков той самой Вязьмы, о которой московское радио молчало, но о которой в очередях за хлебом шептались с ужасом.

— Я смотрю на вас, — продолжал Алексей, и его взгляд останавливался то на бледном студенте в круглых очках, то на пожилом мастере с мозолистыми руками. — Вы думаете, что

вас привезли сюда умирать за Москву. Так вот: мне ваши смерти не нужны. Мертвому солдату нельзя выдать патроны, он не может нажать на спуск противотанкового ружья и не забросит гранату под каток немецкого танка. Мне нужно, чтобы вы жили. Чтобы вы научились убивать врага и оставались в живых. Понятно?

— Понятно, товарищ майор... — нестройно, внося раздалось из середины шеренги.

— Плохо понятно! — рявкнул Громов, шагнув вперед. — Смирно! Отвечать по уставу!

— Понятно, товарищ майор! — триста голосов ударили в бетонный свод цеха уже слаженнее.

— Нам дали неделю, — Алексей опустил тон голоса, но теперь каждое слово звенело в тишине. — Семь дней до того момента, как передовые части Четвертой танковой группы вермахта выйдут к нашему рубежу. За эту неделю я сделаю из вас штурмовиков. Вы будете спать по четыре часа в сутки. Вы будете копать землю до кровавых мозолей, пока руки не станут каменными. Вы научитесь разбирать трехлинейку в темноте в жидкой грязи за тридцать секунд. Те, кто проявит слабость, — останутся в тыловом хозотряде. Мне на передовой трусы не нужны, они губят товарищей.

Волков повернулся к Громову:

— Старшина, разбить пополнение на три роты. Назначить взводных из числа наших ветеранов. Логинов, принимай инструмент и противотанковые ружья со склада. Ночью выдвигаемся на тридцать четвертый километр Волоколамского шоссе. На месте сразу окопаться по полному профилю.

— Есть, товарищ майор, — козырнул Громов.

Погрузка началась в полночь. Дождь сменился мелкой ледяной крупой, которая больно секла лица. Батальон грузился на тринадцать грузовиков ЗИС-5, выделенных штабом укрепрауона. Тяжелые длинные ящики с новенькими ПТРД — противотанковыми ружьями системы Дегтярева — бойцы тащили по четыре человека, надрываясь и скользя на обледенелых деревянных подножках машин.

Волков ехал в кабине головного грузовика. Рядом дремал пожилой водитель в засаленном ватнике, а за окном в слабом свете замаскированных фар мелькали темные силуэты подмосковных деревень.

ИБИ снова зашевелился в височной кости, транслируя тактическую матрицу. На этот раз помех было меньше, но маркеры интерфейса светились тревожным янтарным светом.

— Командир, — раздался тихий, вибрирующий голос. — Зафиксировано усиление сигнала из стратосферного сектора. Код синхронизации: 00-Лиара-03. Входящие данные содержат телеметрическую карту плотности гравитационных аномалий в секторе Европы.

«Где этот маяк, ИБИ?» — мысленно спросил Алексей, прижимаясь лбом к холодному стеклу двери.

— Направление: двести сорок градусов по геодезической сетке Земли. Дистанция: приблизительно одна тысяча двести километров. Объект находится в стабильном режиме ожидания. Энергетический ресурс маяка рассчитан на сорок два земных месяца.

«Тысяча двести километров... — Алексей закрыл глаза. — Это Польша или Пруссия. Глубокий немецкий тыл. Чтобы добраться туда, нужно перемолоть всю группу армий "Центр", пройти через Белоруссию и выйти к границам Рейха. Три года... Лиара говорила про три года».

Машина резко подпрыгнула на ухабе, и Волков поморщился от резкой боли в ребрах. Он посмотрел в зеркало заднего вида. В кузове грузовика, укрывшись брезентом от ледяного ветра, сидели его мытищинские парни. Студент в очках, которого звали Миша Ковалев, прижимал к груди новенькое противотанковое ружье, словно дорогую реликвию. Его губы шевелились — парень беззвучно повторял элементы тактического наставления, которое Громов читал им перед посадкой.

Алексей почувствовал, как ярость, холодная и чистая, вытесняет остатки ментальной усталости. Он не имел права думать о космических кораблях и цитаделях Аргоса, пока эти мальчишки сидели за его спиной в холодном кузове полуторки. Они доверяли ему. Они видели в нем командира, который знает секрет спасения. И он выучит их. Он заставит их стать стальными.

В три часа утра колонна остановилась на тридцать четвертом километре Волоколамского шоссе, у опушки густого смешанного леса. Впереди лежало темное, промерзшее поле, пересекаемое невысокой насыпью узкоколейки. Южная окраина деревни Крюково оставалась чуть правее.

— Разгружайся! — разнесся по лесу зычный голос Громова. — Роты, строиться по взводам! Логинов, раздавай лопаты! Живее, живее, до рассвета нужно первый профиль вынуть!

Новобранцы гурьбой посыпались из кузовов, стуча сапогами и кашляя от махорочного дыма. Логинов, стоя на одной ноге у борта грузовика, швырял в грязь тяжелые саперные лопаты БСЛ-110.

Алексей вышел на край поля. Земля была твердой, схваченной первыми заморозками. Копать её сейчас — все равно что рубить гранит.

— Слушай мою команду! — Волков подошел к первой шеренге бойцов. — Копаем не просто окопы для стрельбы стоя. Выстраиваем систему эшелонированных ДЗОТОВ. Вдоль насыпи железной дороги — ложные позиции. Настоящие — в пятидесяти метрах сзади, в лесной полосе. Каждому расчету ПТРД — подготовить по три запасные позиции. Логинов!

— Я, товарищ майор! — отозвался сапер из темноты.

— Перекрытия ДЗОТОВ — три наката бревен не тоньше двадцати сантиметров. Сверху — полметра земли и дерн. Немцы перед атакой будут утюжить нас тяжелыми минометами. Если накат просядет — лично расстреляю. Всем все понятно? За работу!

Мытищинские парни, переглядываясь и дыша густым белым паром, вонзили лопаты в промерзший подмосковный грунт. Алексей взял в руки тяжелую кирку, подошел к сектору первой роты и нанес первый удар по каменистой земле. Из-под острия брызнули искры.

Он будет копать вместе с ними. Будет мерзнуть вместе с ними. И если понадобится — будет умирать вместе с ними, потому что фашистские танки не должны пройти здесь. Это была его земля. Его война. И его батальон.

Глава 5. Рубеж на тридцать четвертом километре

Земля звенела под ударами кирок, как перекаленный чугун. К утру ледяная крупа смешалась плотным, тяжелым снегопадом, который мгновенно засыпал свежие комья вывернутой глины, маскируя следы каторжного труда. Люди работали молча, в темноте, экономя каждое дыхание. Студент Миша Ковалев, назначенный наводчиком в первый противотанковый расчет, до крови стер ладони о черенок саперной лопаты уже к исходу третьего часа. Сукно его гражданского пальто намочило на спине и тут же встало колом от морозного ветра, но он не останавливался. Рядом с ним, мерно и страшно, как заведенный механизм, вгрызался в грунт старшина Громов. Каждый удар его кирки выбивал из промерзшей колеи крупные осколки земли.

Алексей Волков шел вдоль линии траншеи первой роты. ИБИ в его височной кости продолжал работать со сбоями, но левая часть сетчатки выдавала стабильную схему профилирования:

«Глубина бруствера на левом фланге: семьдесят сантиметров. Недостаточно для защиты от осколочно-фугасных снарядов калибра 75-мм. Рекомендуется заглубление еще на сорок сантиметров. Физическое состояние личного состава: критическое мышечное переутомление».

Волков остановился возле расчета Ковалева. Алексей опустил на колено, взял из рук парня лопату и бережно, но крепко сжал его окровавленные пальцы.

— Ковалев, отставить лопату. Надень рукавицы, — негромко, но властно сказал майор. — Руки сорвешь — ПТРД не удержишь. Ствол у него тяжелый, шестнадцать килограммов. При выстреле отдача такая, что если расслабишь плечо, ключицу сломает. Понял меня?

— Понял, товарищ майор, — тихо пробормотал студент, шмыгая носом. Он натянул грубые брезентовые рукавицы, выданные со склада, и с уважением посмотрел на командира.

Волков сам взял кирку. Его раненое плечо тут же отозвалось острой, режущей болью, пробившей даже остатки анальгетического блока интерфейса. Алексей стиснул зубы так, что хрустнули челюсти, и нанес три мощных удара подряд, расширяя ячейку для стрельбы из противотанкового ружья.

— Ко командирам взводов! — негромко крикнул Волков, передавая инструмент обратно. — Логинов! Сюда.

Сапер подковылял к нему, тяжело опираясь на свой березовый костыль. На плече у него висела сумка с детонаторами и мотками саперного провода.

— Я, товарищ майор.

— Слушай, Логинов. Вдоль насыпи узкоколейки делаем три ложные позиции. Поставь там старые бревна, накрой брезентом, чтобы сверху на немецкие оптические приборы это походило на оружейные стволы. Пусть их артиллерия тратит снаряды на пустое место. Настоящие расчеты ПТРД сажай в глубине, под кронами елей. Стрелять только в борта и корму, когда немецкие танки пройдут мимо ложных позиций.

— Сделаем, командир, — Логинов криво усмехнулся. — Мы еще бочки с отработкой мазутной туда вкопаем. Немцы как по насыпи пойдут, мы им под гусеницами костры устроим.

К полудню окопы первой линии были готовы в черновом профиле. Батальон зарылся в подмосковную землю, став невидимым со стороны Волоколамского шоссе. Настало время самого тяжелого испытания для мытищинских новобранцев — обкатки танками.

Настоящих танков у Волкова не было, но Громов привел со двора заброшенной МТС старый гусеничный трактор «Сталинец» ЧТЗ-65. На его носовую часть бойцы Логинова наварили куски старых стальных листов, имитируя лобовую броню немецкого Pz.III, а из кабины торчало тяжелое бревно вместо пушечного ствола. Трактор надрывно ревел, выплевывая клубы черного солярочного дыма, и медленно полз по заснеженному полю, оставляя за собой глубокие, грязные колеи.

— Первая рота! В траншею! — скомандовал Громов.

Мытищинские парни гурьбой попрыгали в свежие ячейки, испуганно прижимаясь к сырým земляным стенам. Трактор, гремя гусеницами, пошел прямо на окоп, где сидел студент Ковалев со своим напарником, пожилым слесарем дядей Ваней.

— Не высовываться! — кричал Волков, стоя на бруствере чуть в стороне. Его шинель была распахнута, ветер трепал русые волосы. — Ждать, пока махина пройдет над головой! Как только гусеница перевалит через траншею — оборачиваться и бить бутылкой по моторному отсеку!

Многотонная стальная туша трактора с ревом нависла над окопом Ковалева. Земля засыпалась парню за шиворот, бруствер осыпался, и студенту на секунду показалось, что сейчас его заживо похоронят в этой подмосковной колее. От страха у него перехватило дыхание, он зажмурился, вжавшись в дно ячейки. Гусеницы с грохотом пронеслись прямо над его головой, обдав запахом перегретого масла и солярки.

— Вставай, Мишка! Вставай, сынок! — закричал дядя Ваня, дергая парня за ремень.

Ковалев открыл глаза, пересилил липкий, парализующий ужас и вскочил. В руках у него была учебная бутылка с водой. Он развернулся и изо всех сил швырнул её вслед уходящему трактору. Бутылка четко ударилась о ржавый капот «Сталинца» и разлетелась на брызги.

— Есть! — Волков подошел к окопу и протянул Ковалеву руку, помогая подняться. Глаза майора смотрели сурово, но в них читалось одобрение. — Молодец, студент. Страх — он как немецкий танк, силен, пока ты перед ним лежишь. А как повернулся к нему спиной — он обычная железка. Понял?

— Понял, товарищ майор, — тяжело дыша, ответил Миша. Его лицо, испачканное грязью, впервые за эти дни осветилось бледной, робкой улыбкой.

До вечера через эту обкатку прошел каждый из трехсот новобранцев. Люди устали до беспамятства, но в их движениях исчезла прежняя суетливость. Они увидели, что стальную машину можно переждать и уничтожить изнутри её собственного слепого пространства.

Сумерки опустились на тридцать четвертый километр внезапно. Снегопад прекратился, и воздух стал пронзительно прозрачным, морозным. Алексей Волков сидел на бревне у входа в свой замаскированный блиндаж, медленно протирая ветошью затвор своей трехлинейки.

Вдруг ИБИ резко, со скрежетом отозвался в височной кости. Сетка интерфейса вспыхнула ярким, тревожным пурпурным цветом:

— Внимание. Обнаружен источник акустического и теплового излучения на дистанции одна тысяча восемьсот метров по направлению к Волоколамску. Скорость сближения: двенадцать километров в час. Количество объектов: два. Характер сигнатуры: легкие полугусеничные машины противника.

Волков мгновенно поднялся. Его тело отозвалось привычным выбросом адреналина — холодным, чистым.

— Громов! — тихо позвал майор в темноту леса.

Старшина материализовался из-за ели словно тень, с автоматом наизготовку.

— Я, товарищ майор.

— Немецкая разведка. Идут по шоссе со стороны Волоколамска. Два броневика или мотоциклы. Объявляй скрытную тревогу по первой роте. Огонь без моего приказа не открывать. Пропустим их к ложным позициям у насыпи. Посмотрим, что они будут делать.

— Есть, — шепнул Громов и исчез в темноте ходов сообщения.

Алексей лег на бруствер передового наблюдательного пункта, прижав щеку к холодному дереву ложи винтовки. Сквозь морозную дымку он увидел их. Две серые тени — легкие немецкие бронеавтомобили Sd.Kfz.221 — медленно, с выключенными фарами, двигались по обочине Волоколамского шоссе. Они шли осторожно, то и дело останавливаясь. Немцы нащупывали стык советской обороны.

«Ну давайте, идите ближе, — мысленно прошептал Волков, ловя в прорезь прицела силуэт головной машины. — Посмотрите на нашего "Железного ежа". Мы вас здесь ждем. Давно ждем».

Внутри ГГ росла тяжелая, темная ярость патриота этой великой, истекающей кровью страны. Он знал, что впереди — страшный, неравный бой, но назад его батальон не сделает ни шагу. Москва была за их спинами. И они готовы были рвать фашистов в клочья.

Глава 6. Проекция «Ищейки»

Немецкие бронеавтомобили двигались с тихим, вкрадчивым шуршанием шин по подмерзшей обочине шоссе. Опытные, они не лезли напролом. Головной Sd.Kfz.221 замер в ста метрах от насыпи узкоколейки. Поворотная башенка с коротким стволом пулемета MG-34 медленно, словно слепая гадюка, повернулась в сторону ложных позиций батальона. С тихим щелчком открылся смотровой люк командира машины — немец в глубокой каске высунулся по грудь, подняв к глазам бинокль.

Алексей Волков лежал за бруствером наблюдательного пункта, почти не дыша. Белый пар от его дыхания оседал инеем на хвое ракового куста. Рядом замер Громов, намертво зажав в кулаке спусковой крючок своего ППШ. На флангах, в замаскированных ячейках пер-

вой роты, тридцать мытищинских парней, сжимая в онемевших пальцах приклады новеньких ПТРД, ждали команды. Студент Миша Ковалев смотрел на приближающееся серое железо сквозь длинную прорезь прицела своего ружья. Его зубы стучали — не от холода, от дикого, первобытного напряжения.

Немецкий командир в бинокль разглядывал засыпанные снегом бревна ложной позиции. На таком расстоянии они действительно походили на замаскированные стволы полковых пушек. Офицер что-то крикнул внутрь машины, взмахнул рукой, и оба броневика резко прибавили газу, сворачивая с шоссе на проселок, прямо к огневому мешку, который приготовил Волков.

«Еще десять метров, — хладнокровно отсчитывал Алексей, ловя в прицел трехлинейки смотровую щель водителя головной машины. — Еще пять...»

В этот момент ИБИ внутри его височной кости словно сошел с ума.

Вместо привычной зеленой сетки тактического интерфейса перед левым глазом Волкова с оглушительным скрежетом развернулась ослепительно-белая голографическая проекция. Сознание Алексея на долю секунды выбило из мокрого подмосковного окопа. Звуки работающих немецких двигателей стали глухими, далекими, словно их накрыли толстым слоем ваты.

Перед его внутренним взором возникли бесконечные логи памяти космического зонда «Ишейка». На сетчатке бешено замелькали строки незнакомых символов, сменяясь трехмерной картой звездного неба. Алексей увидел три луны, висящие над фиолетовым горизонтом Аргоса, и тяжелый, угловатый силуэт зонда, пробивающего пространственную аномалию. Но траектория прыжка была искажена — красная линия вектора ломалась, закручиваясь в бесконечную спираль вокруг Земли.

— Внимание, — прорезался в черепной коробке далекий, искаженный помехами голос, который он узнал бы из миллиардов других. Голос Лиары. — Максим... Прыжок во времени вызвал критическое смещение... пространственные координаты нестабильны... Мы потеряли... Но маяк на Земле активен. Код доступа...

Связь оборвалась. Проекция схлопнулась, оставив в глазах Алексея хоровод белых искр. Голова взорвалась такой дикой, раскаленной болью, что ГГ едва не закричал, до крови прикусив губу. Его вышвырнуло обратно в сырую грязь тридцать четвертого километра.

Броневики были уже в тридцати метрах. Немецкий пулеметчик на головном *Sd.Kfz.221* заметил шевеление в кустах и открыл огонь.

Длинная, злая пулеметная очередь с треском прошла по брустверу. Пули с визгом рвали подмерзшую землю, обсыпая лицо Волкова ледяной крошкой. Одна из пуль с силой ударила в стальной шлем СШ-40 на голове Алексея — голову мотнуло назад, в ушах зазвенело, а перед глазами все поплыло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.